

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ (ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ) В «СЛОВЕ» И «ПОСЛАНИИ» («МОЛЕНИИ») ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Золотухина Наталья Михайловна

Главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Москва), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-0714-4800, e-mail: tgp@rsuj.ru.

Власова Татьяна Валентиновна

Доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Москва), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-7371-9719, e-mail: tgp@rsuj.ru.

В статье проанализированы взгляды Даниила Заточника на организацию верховной государственной власти, высказанные им в «Слове» и «Послании» («Молении»). Исследованы труды Даниила Заточника, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, работы российских дореволюционных, советских и современных ученых. В работе используются общие логические приемы, исторический, сравнительный и герменевтический методы исследования. Раскрывается политический идеал (форма правления), предложенный Даниилом Заточником, предусматривающий необходимость создания при князе постоянно действующего коллегиального органа – Думы. Сформулированы выводы о том, что в произведениях Даниила Заточника выработана концепция ограничения власти князя, создающая основу для участия представителей разных сословий в управлении государством. Политический идеал мыслителя, скорее всего, можно рассматривать как предвестие ограниченной (сословно-представительной) монархии.

Ключевые слова: политический идеал, форма правления, Даниил Заточник, республика, сословно-представительная монархия, Дума

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В. Политический идеал (форма правления) в «Слове» и «Послании» («Молении») Даниила Заточника // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 71–88. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_71.

THE POLITICAL IDEAL (FORM OF GOVERNMENT) IN THE «WORD» AND «MESSAGE» («PRAYER») OF DANIIL ZATOCHNIK

Zolotukhina Natalia

Chief researcher, Russian State University of Justice (Moscow), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0714-4800, e-mail: tgp@rsuj.ru.

Vlasova Tatiana

Associate professor, Russian State University of Justice (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7371-9719, e-mail: tgp@rsuj.ru.

The article analyzes the views of Daniil Zatochnik on the organization of the supreme state power, expressed by him in the «Word» and «Message» («Prayer»). The works of Daniil Zatochnik, the Laurentian and Ipatiev chronicles, the works of Russian pre-revolutionary, Soviet and modern scientists are studied. The paper uses general logical techniques, historical, comparative and hermeneutic research methods. The article reveals the political ideal (form of government) proposed by Daniil Zatochnik, which provides for the need to create a permanent collegial body under the prince – the Duma. The conclusions that in the works of Daniil Zatochnik, the concept of limiting

the power of the prince has been developed, creating a basis for the participation of representatives of different estates in state administration are formulated. The political ideal of the thinker, most likely, can be considered as a harbinger of a limited (class-representative) monarchy.

Key words: political ideal, form of government, Daniil Zatochnik, republic, estate-representative monarchy, Duma

*For citation: Zolotukhina N., Vlasova T. (2023) The political ideal (form of government) in the «Word» and «Message» («Prayer») of Daniil Zatochnik. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 71–88, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_71.*

800 лет тому назад появилось произведение, названное «Словом Даниила Заточника». Темой «Слова» была жалоба человека, попавшего в опалу, претерпевающего личные бедствия и обратившегося к князю с просьбой о помиловании и возвращении в прежнее состояние. Произведение было написано с большим литературным мастерством, в афористическом стиле, с избытком цитат из библейских притч, народных пословиц и поговорок. Оно сразу же привлекло внимание читателей, поэтому «не только читалось и переписывалось, но и постоянно перерабатываясь, дополнялось, из него делались выборки, оно жило, творилось в течение ряда веков»¹. В результате образовалось несколько его редакций: «Слово» и возникшие на его основе редакции, озаглавленные «Посланием» («Молением»). Большинство исследователей считают, что автором «Слова», как и «Послания» («Моления»), был один и тот же человек, поименованный в них Даниилом Заточником², поскольку «в общем содержании все редакции сходятся», а имеющиеся в них различия «в основном стилистического и языкового характера»³. Д. С. Лихачев пришел к выводу, что «всякий из соавторов [Даниила] умел попадать в стиль... и не расходиться с идеологией», поэтому он предпочел рассматривать памятник в целом, «не различая особо отдельных редакций»⁴.

В историографии «Слова» Даниила Заточника и всех его редакций почти сразу же сложился круг тем, определивших направление исследования: установление автора (адресанта) памятника и адресата (адресатов); социального статуса поименованного в нем Даниила Заточника, географического места и времени первоначального возникновения архетипа. В связи с тем, что архетип не обнаружен до настоящего времени, ученые не смогли прийти к соглашению о хронологической последовательности редакций «Слова» и «Послания» («Моления»)⁵.

Неоднозначной является и оценка предложенной этим уникальным средневековым мыслителем переяславскому князю программы социальных, политико-правовых и воинских преобразований.

В дореволюционный период в числе исследователей этого уникального памятника преобладали филологи и историки, отсутствие среди них историков государства и права России и историков политических учений не позволило дать юридический анализ данного произведения. В частности, В. Е. Вальденберг, изучавший древнерусские учения о пределах царской власти «от Владимира Святого до конца XVII в.», пришел к выводу, что в них «не было выставлено ни одной идеи, которая заключала

¹ Лихачев Д. С. Социальные основы «Моления» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. X. С. 106.

² Модестов Е. И. Послание Даниила Заточника // ЖМНП. 1880. Октябрь – ноябрь. № 11. С. 165–166; Бессонов П. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» Слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1865. Т. 2. № 7. С. 321–323; Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л.: АН СССР, 1932.

³ А. И. Лященко считал, что «памятник едва ли подвергся в двух известных нам редакциях переработке, то изменения прототипа памятника произошли только от ошибок переписчиков и от случайной вставки и перестановки некоторых мест» (Лященко А. И. О Молении Даниила Заточника. СПб., 1896. С. 36; Его же. О времени написания «Слова Даниила Заточника» // Труды Римского археологического съезда. М., 1896. Т. 1. С. 8). См. также: Айналов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. СПб.: Тип. Императорского Академии наук, 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 362–365.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 106.

⁵ Археологами и историками обнаружены только списки памятника XVII–XVIII вв., переписанные с изводов XV–XVI вв.

бы в себе признание полной неограниченности княжеской власти». Появление «первых учений о пределах княжеской власти» В. Е. Вальденберг отнес к началу XIV в., оговорившись, что «отдельные идеи на эту тему... не всегда ясные в своем содержании, встречаются в древнейшем периоде русской политической истории»¹. В числе мыслителей, разделяющих идею о необходимости установления «пределов царской власти», ученый назвал митрополитов Илариона и Никифора, составителя Повести временных лет, великого киевского князя Владимира Мономаха², не упомянув Даниила Заточника.

В советский период исследованию «Слова» и «Послания» («Моления») значительное внимание также было уделено в основном филологами и историками, к сожалению, историков государства и права и учений о государстве и праве практически не оказалось в их числе. Изучение «Слова» и «Послания» («Моления») активизировалось после опубликования Н. Н. Зарубиным всех известных на 1932 г. редакций памятника³. Во Введении Н. Н. Зарубин проанализировал спорные вопросы в историографии всего комплекса редакций памятника, определенные еще дореволюционными учеными, признав, что ни по одному из них исследователи к соглашению не пришли. Политико-правовых взглядов Даниила Заточника Н. Н. Зарубин также не коснулся, хотя и признал политическую направленность «Слова» и «Послания» («Моления»).

Одним из первых обратил внимание на политическое содержание «Слова» и всех его редакций И. У. Будовниц, предприняв попытку определить «место, занимаемое Даниилом Заточником в истории русской общественной мысли». Он высказал предположение о том, что предложенные им князю проекты государственных реформ имеют широкий общественный и политический интерес, а «в основании всего памятника, как в первой, так и во второй редакциях – лежит идея сильной княжеской власти»⁴ (выделено нами. – Н. З., Т. В.).

Некоторые исследователи внесли уточняющие дополнения в формулу «сильная княжеская власть». Историк политических учений В. С. Покровский нашел, что Даниил Заточник «в своем „Молении“ выразил общее желание широких низов иметь во главе государства неограниченного господина»⁵, т. е. не просто сильную княжескую власть, а неограниченную верховную власть. Другой представитель этой же юридической дисциплины С. А. Покровский посчитал, что автор «Слова» под «сильной княжеской властью» имел в виду именно «абсолютную монархию», поскольку осуждал даже «самый принцип принятия князем решений совместно с Боярской думой»⁶.

М. О. Скрипиль, не вдаваясь в подробности проблемы, пишет, что «все разнообразные наблюдения, мысли и жалобы автора, бегло выраженные в отдельных афоризмах или подробно развитые в ряде циклов их, ценны не сами по себе. Они тяготеют как к своему центру к идее сильной княжеской власти (курсив наш. – Н. З., Т. В.), так как, с одной стороны, служат ее конкретизации, а с другой – синтезируются ею в определенное политическое credo автора»⁷. Надо полагать, что, по мнению М. О. Скрипиля, эта «конкретизация» и заключается в самой «идее сильной княжеской власти», поскольку никаких деталей в ее организации, равно как и способах реализации, М. О. Скрипиль не привел.

Д. С. Лихачев неоднократно в ряде своих трудов рассматривал вопросы, поставленные в историографии этого памятника, и многие его оценочные суждения стали отправными для позднейших исследователей, но и он предметно не анализировал

¹ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. С. 112–113.

² Там же. С. 81, 92–93 и др.

³ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л.: АН СССР, 1932. Серия древнерусской литературы. Вып. 5. 165 с. (далее сокращенно: Зарубин Н. Н. с указанием первой буквы наименования списка, например (А), номера параграфа (X) (тексты Зарубин разбил на параграфы, основанием для их подразделения послужила «общая мысль, объединяющая данную группу изречений (фраз)» и столбца (Стб.), на котором расположен текст).

⁴ Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 149.

⁵ Покровский В. С. История политической мысли. М.: Госюриздат, 1951. С. 28.

⁶ Покровский С. А. Политические идеи в Древней Руси // История политических учений. М.: Высшая школа, 1965. С. 118.

⁷ Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1955. Т. XI. С. 91.

политико-правовой идеал, сформулированный Даниилом Заточником. Фраза о принадлежности Даниила «к той социальной прослойке города, которая энергично подерживала *сильную княжескую власть*» (курсив наш. – Н. З., Т. В.), также представления о политическом идеале Даниила дать не может. Безусловно, автор «Слова» предпочитал власть одного великого князя многим князьям – властителям, возглавлявшим свои княжества, ставшие суверенными в эпоху феодальной раздробленности. Он отлично понимал, что рассеянные по всей стране полки, принадлежащие отдельным феодалам, не управляемые из единого центра, не смогут оказать сопротивления многочисленному, хорошо организованному войску, возглавляемому опытными полководцами, подчиняющимися единому правителю. Но эти соображения относятся скорее к характеристике формы государственного устройства, нежели формы правления.

Весьма противоречиво представление о политическом идеале Даниила Заточника литературоведа Н. В. Водовозова. С одной стороны, он считает, что самым важным условием для создания «крепкой державы» является «наличие ничем не ограниченной власти», а с другой – приводит слова Даниила о том, что там (в той стране), «где нет „думы мудрых“, там и сильное войско терпит поражение»¹.

Как видно из проведенного анализа, утверждение о Данииле Заточнике как о приверженце «сильной княжеской власти» стало определяющим почти во всех работах, в той или иной степени касающихся памятника и его последующих редакций. Однако это оценочное суждение не основано на предметном анализе политических взглядов Даниила Заточника. У него идея сильной княжеской власти снабжена определенными атрибутами, главным из которых является наличие при ней совещательного органа – Думы. Поэтому упоминания только об «идее сильной княжеской власти» недостаточно для определения политического идеала Даниила.

Что касается учебной литературы, то следует отметить, что во многих учебниках и учебных пособиях по дисциплине «Политические и правовые учения» раздел, посвященный средневековой политической мысли в России (особенно раннего Средневековья XI–XIII вв.), представлен весьма кратко и схематично или вообще отсутствует, при этом зачастую материал излагается не по источникам, а заимствуется «из вторых рук» (таких, к сожалению, большинство), поэтому все «штампованные» оценки непрерываемо повторяются². В академическом курсе «История политических и правовых учений» лишь отмечено, что политическим идеалом Даниила Заточника является «монархический принцип организации власти с участием в ней совета при великом князе»³.

¹ Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1972. С. 110.

² См., например: Графский В. Г. История политических и правовых учений. М.: Прогресс, 2005. 593 с. (тема 8 – перечислены мыслители XI–XVII вв.: Иларион, Владимир Мономах, составитель Повести временных лет, Даниил Заточник, Филофей, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Феодосий Косой, И. С. Пересветов (меньше четверти страницы), А. М. Курбский, Иван Грозный, протопоп Аввакум, завершает тему патриарх Никон. Повествование ведется в жестко конспективном плане (общий объем – темы 12 страниц), не предоставляющем возможности получить достаточные сведения об упомянутых мыслителях, а тем более об их политических и правовых взглядах. О политическом идеале Даниила Заточника кратко сказано, что «власть князя именуется царской грозой» (с. 243) без каких-либо комментариев); Омельченко О. А. История политических и правовых учений. М.: Эксмо, 2006. 575 с. (русские политические учения представлены только начиная с XVIII в. – Гл. V. § 17. С. 305–324); История политических и правовых учений. СПб.: СПбГУ, 2007. 854 с. (раздел IV «Политические и правовые учения эпохи Средневековья» также изложен в сжатом виде. Раннее Средневековье: Иларион и Никифор (Владимир Мономах и Даниил Заточник не упоминаются); позднее Средневековье – «Филовеев цикл», т. е. только доктрина Филофея «Москва – третий Рим» и ее судьба); История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Высшее образование, 2008. 917 с. (средневековая русская политико-правовая мысль вообще не упоминается. Политические и правовые учения отечественных мыслителей изложены в двух главах: гл. 10 «История марксистской политической мысли в России» (Маркс, Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, советский и постсоветский периоды) и гл. 11 «Русские мыслители XIX–XX вв.»). Этот список можно было бы продолжить, но вывод один: либо отечественной средневековой политической и правовой мысли в юридических дисциплинах уделяется весьма незначительное внимание, либо она вообще его не удостоивается. Например, В. А. Томсинов вообще не упомянул о Данииле Заточнике в разделе «Политическая и правовая мысль России (X–XIII вв.)». См.: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 255 с.

³ История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1986. С. 196.

Авторы современных работ, посвященных Даниилу Заточнику или рассматривающих «Слово» и «Послание» («Моление») в числе вопросов, относящихся к характеристике власти «в период Киевской Руси», определенно склоняются к мысли, что «в представлении древнерусских мыслителей государство по своей форме должно быть унитарным и централизованным в управлении по монархическому типу, приближающемуся к абсолютизму»¹. В частности, Д. Н. Горнова считает, что «такое видение монарха особенно отразилось в „Поучении“ Мономаха, в котором единодержавная власть [воспринимается] как базовая ценность политической культуры...». Причем «единодержавие» понимается Д. Н. Горновой не как территориальная целостность государства, а как объем внутренних полномочий верховной власти, «вся полнота которой сосредоточена в руках киевского великого князя... этой идеей проникнуто Поучение Владимира Мономаха и „Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона“»². Нам представляется, что Д. Н. Горнова заблуждается относительно политических идеалов этих мыслителей. Ибо сам Владимир Мономах неоднократно повторял, что все серьезные дела в государстве, равно как и вершение правосудия, великий князь должен решать совместно с дружиной³. А митрополит Иларион в качестве положительного примера организации верховной власти ссылался «на правление равноапостольного императора Константина», при котором имелся Сенат в качестве совещательного органа, а также развитая бюрократическая система власти и управления на местах⁴. Теоретически мотивируя свой идеал, Иларион обратил внимание на главный догмат православного вероучения – Троицу, отметив, что Всемогущий Бог не один, а в единстве трех Своих ипостасей разрешал все важнейшие дела в сотворенной Им Вселенной⁵.

Далее Д. Н. Горнова утверждает, что «в Киевском государстве начинает складываться главнейший императив политической культуры – единодержавная власть праведного монарха, народ, чувствуя ее высокое предназначение, смиренно принимает ее»⁶. Между тем в летописях (Лаврентьевской и Ипатьевской) мы находим совсем другое описание «императива политической культуры», нежели у Д. Н. Горновой: «Новгородцы бо издавна и Смоленяне и Кияне и Полочане на дому на вечи сходятся, и что старейшины сдумают на том и пригороди станут...»⁷ Компетенция веча была довольно обширной, в нее входило право не только приглашать князей на киевский, новгородский, псковский, смоленский, владими́ро-во́лынский, переяславский, владими́ро-суздальский и другие княжеские столы, но и отказывать им в этой чести как по окончании срока договора, заключенного с ними, так и до его истечения, если вече примет решение, что деятельность какого-либо приглашенного князя не отвечает интересам избравшего его народа или нравственным правилам его поведения. В вышеуказанных летописях приводится много примеров, когда вече «указывало путь» князю, т. е. изгоняло его и приглашало другого князя по своему усмотрению⁸.

Д. Н. Горнова, рассматривая слова Даниила об употреблении «княжеской грозы» в регулировании внутренних отношений в государстве, находит в ней выражение способа борьбы с отрицательными элементами, сохранившимися от «идольского мрака», считая, что насилие может быть оправдано только «крайней необходимостью защи-

¹ Горнова Д. Н. Становление идеи «единодержавной» власти в литературе Киевской Руси // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История и политология. 2007. № 4/3. С. 229. См. также: Баркалов В. Я. История политических учений в России в XI–XIII вв. Барнаул, 1992. С. 5–6.

² Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 229–300.

³ ПВЛ. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 1. Поучение (Владими́ра Мономаха). С. 359. К тому времени в совет при князе входили члены старшей дружины, старцы градские и совет епископов.

⁴ Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской; пер., вступ. ст. В. Я. Дерягина; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М.: ПИФ «Столица»; НИЦ «Скрипторий», 1994. С. 47.

⁵ Впоследствии Зиновий Отенский обратился к этому же примеру, доказывая необходимость синклита (совета) при царе: Вседержитель все сложные дела всегда решает в соединении трех Своих ипостасей, поскольку именно в них заключается «единославное господство и равночестное единомыслие». «Также и царю следует со своими синклитами и zelo иными санями... вкупе глаголати и вкупе повелевати» (См.: Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 134–136. 581 с.).

⁶ Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 229.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379.

⁸ См., например: ПСРЛ. Т. I. Стб. 341, 347, 348, 349 и др.

ты христианской истины»¹. Между тем идея Даниила о действии княжеской грозы во внутренней жизни страны выражала его представление о защите каждого человека от лиц, нарушающих «правду» как право, т. е. действующие в обществе законы, гарантирующие каждому «обидимому» человеку княжескую защиту от всех «обижающих его»². При этом Даниил ссылаясь на свой опыт, поскольку сам он «всеми обидим есть, потому что не огражден страхом грозы твоея, аки оградом твердым»³. У Даниила Заточника в «Слове», ни в одной из его редакций, не говорится о «защите христианской истины», т. е. о борьбе с еретичеством, ибо такую тему Даниил Заточник вообще не затрагивал.

Дискуссионным видится и вывод Д. Н. Горновой о том, что «в Киевской Руси мы находим первоосновы формирования формы правления, а в древнерусской литературе – продолженное в Московском государстве»⁴. Считаем, что в Московском государстве вполне определенно развивалась идея о необходимости учреждения при носителе верховной власти совещательного (или даже законодательного) органа, первоначально сформулированная Даниилом Заточником. Так, Максим Грек в Послании Василию III писал, что управлять государством великому князю московскому следует совместно с синклитом (*гр.* высший совет), в состав которого должны входить не только благородные, но и «худейшие» люди (представители низших сословий), которые «тоже [от Бога] дарования приемлют», и их советы «начальствующим слово мудро и свет благоразумен покажут»⁵. Настаивал на необходимости совета при царе (Иване IV), названном им верной Думой, организованной по образцу, якобы существующему у турецкого султана, и И. С. Пересветов. В состав этой Думы входят «представители основных сословий турецкого общества (абызы, молны, сеиты и паши мудрые)»⁶. Все законы и решения по внутригосударственным и международным вопросам султан принимает совместно со своей верной Думой, решения которой обязательны для всех, в том числе для самого султана⁷. К тому же И. С. Пересветов категорически возражал против совершения правителем каких-либо незаконных действий: «Аще властитель еси, не насилуй и не лихоимствуй, егда приключится власть [применить], покажи правая... Держись правды во веки»⁸. Современники отмечают большую образованность И. С. Пересветова, называя его «книгоцеем», что позволяет нам предположить его возможное знакомство с политическим идеалом Даниила Заточника, поскольку обе редакции этого памятника были распространены в XV–XVII и даже XVIII вв. Отдельные слова и афоризмы Даниила Заточника замечены исследователями не только у И. С. Пересветова, но и у А. М. Курбского, планировавшего в качестве лучшей формы правления для России монархию, ограниченную в своих полномочиях «Советом всенародных человек»⁹. В анонимных памятниках XVI в., «Валаамской беседе» и «Ином сказание тоя же беседы», назван «Единомысленный вселенский совет», «воздвигнут[ый] от всех градов своих и от уездов градов тех... и ото всяких мер», который царю следует «беспрестанно всегда держати погодно при себе. И на всяк день их добре и добре распросити о всегодном посту и покаянии мира всего, и про всякое дело мира сего»¹⁰ (курсив наш. – Н. З., Т. В.). Во всех указанных средневековых сочинениях общим является пожелание (а в некоторых из них даже и требование) учреждения постоянного коллегиального органа при правителе, состоящего из представителей разных чинов и званий. У Даниила Заточника такое предложение было

¹ Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 230.

² Аналог – Сир. IV:9: «Изми обидимого и рук обижающего»; Пс. LXXXI:3: «Судите сира и убога и смиренна нища, оправдайте». Историческое значение термина «оправдать» отличается от его современного аналога, ибо в средневековой Руси «оправдать» означало «дать справедливый суд по правде», а не признать невиновным.

³ Зарубин Н. Н. А. VII. Стб. 7; XV. Стб. 12; Ч. XII. Стб. 55; Сл. II. Стб. 77.

⁴ Горнова Д. Н. Указ. соч. С. 230.

⁵ Преп. Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М.: Индрик, 2008. С. 145.

⁶ Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 147.

⁷ У И. С. Пересветова: «Турский султан Магмет... помыслил с сеиты и с молнами, и с абызы, и с паши мудрыми, и со всей своей верною Думой» (Сочинения И. Пересветова. С. 147).

⁸ Сочинения И. Пересветова. С. 169.

⁹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 54.

¹⁰ Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики XVI века. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 191–192.

высказано впервые в отечественной политической мысли, а у писателей младших поколений его идея получила конкретную и подробную разработку. Более того, в XV–XVI вв. она была воплощена в праве¹.

А. И. Овчинников, З. Д. Гасанова и В. И. Фатхи, раскрывая образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства (период ими хронологически не обозначен), рассматривают процесс «постепенного складывания в России самодержавной монархической идеологии», основанной «на ряде политических идей», унаследованных из Византии, в частности идее «Москва – третий Рим»². По-видимому, авторы статьи термин «самодержавие» понимают в том значении, в котором его сформулировал граф С. С. Уваров: «Православие, самодержавие, народность»³ в XIX в. (Новое время), а не в историческом, характерном для «периода Древнерусского государства», понимании. В X–XVII вв., да и в более поздний период, термином «самодержавие» обозначалась не форма организации политической власти в обществе (форма правления), а суверенность государства и независимость возглавлявшего его правителя, от какой-либо другой власти⁴, при которой «он сам, без всякого участия народа, только при содействии назначаемых им чиновников, управляет государством»⁵.

Вышеуказанные ученые считают, что идеи Даниила Заточника являются «важными для понимания государственно-правовых взглядов и конституционного понимания правителей (курсив наш. – Н. З., Т. В.), общественных деятелей и всего народа Древнерусского государства», ибо Даниил Заточник «в своем произведении показывает потребность в укреплении великокняжеской власти, единство которой было необходимо для укрепления государства». Надо полагать, что речь идет о периоде XI–XIII вв. Они утверждают, что «в России складывалась самодержавная политическая идеология, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащий носителю верховной власти». Даниил Заточник рассматривается как ее первый представитель, однако авторы статьи оговариваются, что «в любом случае понятие „самодержавие“ означало самовластие, независимость государственной политики, а не абсолютизм» (выделено нами. – Н. З., Т. В.). Суждение противоречивое, поскольку «самовластие» и есть абсолютизм.

Завершая свое исследование, А. И. Овчинников, З. Д. Гасанова и В. И. Фатхи приходят к выводу, что «таким образом, на этапе формирования самодержавия государственная власть мыслилась с религиозно-нравственных позиций как власть княжеская, а впоследствии царская, ограниченная заповедями Божьими, страхом Божиим, целями воцерковления Руси и построения христианского государства и общества. При этом идеология самодержавия основывалась на ряде политических идей: Москва – третий Рим, Россия – наследница Византии»⁶. Следует заметить, что в статье ав-

¹ Судебник 1497 г. Статья 98: «А которые дела будут новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в Судебнике приписывати». Повторено в Судебнике 1589 г., в ст. 201. См.: Судебники XV–XVI вв. М.: АН СССР, 1952. С. 176, 409.

² Овчинников А. И., Гасанова З. Д., Фатхи В. И. Образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства // *Философия права*. 2016. № 4. С. 35–41.

³ До настоящего времени не раскрыто, что именно имел в виду граф С. С. Уваров, вводя в эту формулу понятие «народность». С. С. Уваров был просвещенным человеком своего времени, большим знатоком античности, владеющим древними и новыми языками, знакомым с трудами Платона, Аристотеля и Цицерона; занимал должность министра просвещения, был почетным членом Петербургской Академии наук, Российской Императорской Академии наук, членом Геттингенского общества наук, Французской академии наук, много сделавшим для развития просвещения в России, настаивавшим на получении русскими молодыми людьми образования в западных учебных заведениях. В XIX и XX вв., вплоть до принятия манифеста «О Государственном порядке» 17 октября 1905 г. и «Основных законов Российской империи» в редакции 23 апреля 1906 г., термин «самодержавие» понимался в значении, полученном им в Новое время, как синоним «абсолютизма», т. е. абсолютной монархии, православие – исповедуемая в России конфессия христианства, а «народность» – как подтверждение первых двух понятий формулы без раскрытия ее содержания, но так ли это на самом деле? Действительно ли просвещенный граф С. С. Уваров хотел полной абсолютизации верховной власти? Вопрос до настоящего времени спорный в историографии, посвященной графу С. С. Уварову, анализу его сочинений и деятельности.

⁴ Князьков С. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. С. 5.

⁵ Энгель Е. А. Государство и формы его строя. Пг.: Кооперативное книгоиздательское товарищество «Книга», 1919. С. 23.

⁶ Овчинников А. И., Гасанова З. Д., Фатхи В. И. Указ. соч. С. 36, 37, 39–40.

торы не указали хронологические границы проведенного анализа, а теоретические положения, относящиеся к Древнерусскому государству, подтверждаются ими сочинениями, появившимися уже в Московском, а не Древнерусском государстве.

Подобных взглядов придерживается Г. А. Лемешко, привычно представляя Даниила Заточника сторонником «сильной, единодержавной неограниченной власти», усматривая единственный ее ограничитель только в «мудрости правителя». Во всех своих рассуждениях автор употребляет понятие «единодержавная власть» в качестве синонима «абсолютной власти»¹.

Н. В. Долгих полагает, что Даниила Заточника «все свои надежды связывает с сильной княжеской властью... единовластие князя, по мнению Даниила, единственное средство возвеличения государственного порядка и избавления простых людей от бедствий». Исследователь также понимает «единовластие» как синоним «самодержавия», т. е. в значении «всевластия». Далее он пишет, что «борьба за укрепление самодержавия, за упразднение некоторых сохранившихся еще боярско-княжеских привилегий, усилилась в период правления Ивана IV, утратив свою религиозную оболочку, маскировавшую ее подлинный смысл»². Однако в это время в России вместо «неограниченного самодержавия» (читай – абсолютной монархии), благодаря реформам, предпринятым правительством Ивана IV – Избранной радой, – образовался словно-представительный ее вариант³, просуществовавший целое столетие⁴.

Схожее мнение о политическом идеале Даниила Заточника наиболее ярко высказано С. В. Жилияковым в статье «„Слово Даниила Заточника“ как манифест самодержавия на Руси». Ученый утверждает, что «в „Слове Даниила Заточника“ содержится жанровое решение манифестации самодержавной власти... утверждаемого по контрасту за счет самоуничтожения и критического отношения к боярству...»; «„Слово Даниила Заточника“ облечено в форму политического манифеста княжеского самодержавия XII в.». Даже уже не просто «самодержавие», а «манифест самодержавия XII в.»⁵.

Во многих словарных статьях о Данииле Заточнике его политический идеал и связанные с ним проекты реформ вообще не упоминаются, а в тех случаях, когда такое упоминание наличествует, то, как правило, повторяется формула о «сильной княжеской власти» в значении «абсолютизма»⁶.

Нам представляется, что подлинное содержание политической программы Даниила Заточника, в том числе идей, касающихся организации верховной власти, не соответствует сложившемуся в современной историографии представлению о них как об «апологии самодержавия» и нуждается в более подробном, объективном и предметном рассмотрении. В этих целях мы предлагаем комплексное исследование всей программы его социальных, политико-правовых и военных предложений, адресованных правителю.

Однако, прежде чем предметно перейти к анализу политических и правовых взглядов Даниила Заточника, необходимо обратить внимание на избранный им жанр и стиль изложения. Почти все события, относящиеся к его личной жизни, как и предложения переяславскому князю о государственных преобразованиях, он формулирует

¹ Лемешко Г. А. Философия Киевской Руси. Зарождение социально-политической мысли // Культура и цивилизация. 2019. № 1(9). С. 43–50.

² Долгих Н. В. Политические идеи и правовые мысли Древней Руси // Science time. 2014. № 7. С. 98, 100–101.

³ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 68–125, 417.

⁴ Перемена формы правления впервые юридически зафиксирована в Артикулах воинских (1716 г.). Согласно толкованию ст. 20 гл. III власть государя определялась следующим образом: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли охранять, яко Христианский Государь, по своей воле и благонамеренно управлять» (ПСЗ. Т. V. № 3006) (1716 г., 30 марта). В этом тексте в значении «всевластный» употребляется слово «самовластный», а его синонимическое тождество с «самодержавием» получило прямое обозначение в манифесте «О вступлении на Российский престол Ее Императорского Величества Государыни Анны Иоанновны о восприятии ею Самодержавия...». Соответственно «Императрица Анна Иоанновна» названа «Самодержицей Всероссийской» (ПСЗ. СПб., 1830. Т. 8 (1730 г.). С. 253).

⁵ Жилияков С. В. «Слово Даниила Заточника» как манифест самодержавия на Руси // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 59, 60–61.

⁶ См., например: Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1963. Стб. 969–970; Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 582; Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 153 и др.

через перифраз библейских текстов, а также распространенных в его время на Руси литературных произведений, среди которых его внимание особенно привлекали сборники: «Изборник 1076 г.» и «Пчела», а также «Повесть об Акире Премудром» и др. Даже история его личных несчастий представлена текстом, дословно заимствованным из «Изборника 1076 г.».

Эту особенность его творчества давно заметили исследователи, обратив внимание на неточность цитирования и приписав ее отсутствию Библии и других источников у него под руками. Однако вряд ли это суждение справедливо. Даниил Заточник намеренно прибегает к перифразам, построив все изложение своего сочинения на параллелях и аллегориях с вышеуказанными источниками. Такой литературный прием был весьма распространенным в Средние века не только на Руси, но и в странах Западной Европы¹. Данте Алигьери в «Божественной комедии», а особенно в трактате «Монархия» часто прибегал к перифразам библейского текста, как правило, не указывая источник, рассчитывая на образованность читателей². Характерное для Даниила Заточника обращение к народным пословицам и поговоркам также получило распространение в отечественной и западноевропейской литературе. Например, прадед Франческо Петрарки сэра Гарцо специально собирал народные пословицы и поговорки, «включая их в свои приятно рифмованные стихи». У средневековых поэтов, писателей и мыслителей наблюдается стремление к изложению своих сочинений на доступном для народа языке. В XIII – начале XIV в. итальянские поэты и писатели, в том числе Данте Алигьери, писали не на латыни, а на простом итальянском языке (*volgare*)³. Русские авторы также стремились излагать свои произведения не на сложном церковно-славянском, а на родном русском языке. Даниил Заточник владел всеми этими приемами в совершенстве; к этому следует добавить несомненное наличие у него писательского дара, в горниле которого творчески переплавлялись сведения о реальной действительности со знаниями, доступными ему благодаря его широкой и многогранной образованности⁴.

Немаловажным является и тот факт, что наша страна в период Средневековья, как в настоящее время доказано многочисленными исследованиями, развивалась в системе европейских государств⁵, и именно «в XI в. произошел качественный скачок в развитии культуры. За весьма короткий в исторических масштабах отрезок времени, равный жизни двух-трех поколений, Русь вышла на уровень европейских стандартов в области культуры»⁶. Только с учетом всей совокупности обстоятельств возможно в настоящее время понять и оценить по достоинству дошедшее до нас уникальное средневековое произведение⁷, объективно выявив политический идеал его автора.

Свои мысли о необходимости преобразований в государстве Даниил изложил в «Слове», адресованном князю Ярославу Владимировичу, а затем без содержательных изменений повторенном (переписанном) в его редакциях: «Послании» («Моления»), обращенных к Ярославу Всеволодовичу.

¹ Итальянский поэт XII–XIII вв. Гвидо Гвиницелли, славившийся своей болонской ученостью, критиковал современниками за то, что «извлекал свои канцоны с помощью других сочинений» (Данте. Божественная комедия. М.: Худ. лит., 1978. С. 16).

² Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 305–362.

³ Доброхотов А. Л. Вступительная статья // Данте. Монархия. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 5–18.

⁴ Свой образ писателя он также создавал, следуя этому литературному приему, поэтому В. М. Истрин и высказал сомнение в реальности всех несчастий, описанных Даниилом от первого лица (Истрин В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен? // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1902. Т. 10). Еще раньше внимание на это обстоятельство обратил граф Н. П. Румянцев, выразивший свои сомнения в письме К. Ф. Калайдовичу (первооткрывателю «Слова»): «Сочинение сие без сумнения весьма достойно, но конечно этого письма Данила не писывал, а почерпнул нещасные обстоятельства его жизни какой-либо древний Литератор (заглавная буква поставлена Н. П. Румянцевым), составивший сие жалобу, и для того-то в ней много высокопарного и лишняго; у глубокой печали не такой голос» (Цит. по: Бессонов П. Указ. соч. С. 338).

⁵ Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб.: СПГУ, 2006. С. 85–86, 90.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. XXVIII. С. 3–29; Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XPI вв. Л.: Наука, 1978; Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л.: ЛГУ, 1978.

⁷ Митрополит всея Руси Макарий (XVI в.), поставивший себе задачей собрать в едином издании все книги «чтомые и любимые на Руси», включил в свое собрание ВМЧ известные в его время редакции «Послания» («Моления») Даниила Заточника.

Предложенная Даниилом политическая программа состоит из двух основных пунктов: 1) изменение формы правления и 2) реформирование всех воинских сил в стране. Ее выполнение предусматривало возможность практических перемен как в формировании, так и в реализации государственной власти.

При выяснении политического идеала Даниила Заточника следует учитывать, что в период, когда он писал свое сочинение, формой государственного правления на Руси была демократическая республика (а не раннефеодальная монархия, как это обычно указывается в исторических трудах). Во всех княжествах (Новгородском, Киевском, Смоленском, Полоцком, Владимирском, Переяславском (Южном и Северном), Черниговском и др.) органами власти и управления были: приглашенный князь, совет, состоящий при нем, и народное вече. В компетенцию веча входили обширные полномочия: приглашение князя и отказ ему, как по окончании согласованного с ним в договоре срока княжения, так и до его истечения, в случае несогласия князя с вечем по вопросам, касающимся государственного управления, налогообложения, распоряжения денежными средствами, земельной собственностью, назначения административных лиц, осуществления судопроизводства, объявления войны и заключения мира. Для координации общей политики всех русских княжеств собирались Съезды князей, решавшие междоусобные споры между князьями и вопросы внешней политики Русского государства¹.

Формулируя свой вариант формы правления, Даниил Заточник видел во главе государства великодушного и мудрого князя: «Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим», – отмечая при этом, что один князь не будет силен в управлении страной без сподвижников. Исходя из этого, мыслитель предлагает создание при князе постоянно действующего коллегиального органа, назвав его впервые в отечественной политической мысли Думой. По представлениям Даниила советы, часто предлагаемые князю отдельными людьми, притом нередко «несмысленными» и «неблагими», не только недостаточны, но бывают даже вредны для справедливого руководства страной и защиты ее от врагов.

Для характеристики верховной власти, состоящей из князя и его Думы, Даниил прибегает к параллели с образом играющего на гуслих музыканта Давида, соединяющего перстами струны, производя согласные созвучия: «Гусли бо стараются персты, а тело срастается жилами; дуб крепится множеством горения; тако и град (здесь в значении: государство) наш твоею державою»². Сравнение формы правления с образом гуслиря, перебирающего перстами струны гуслей, было также использовано в XVI в. писателем и дипломатом Федором Карповым: «Цари и начальники должны быть наподобие гуслей музыканта Давида. Ведь как гуслиря струны расстроенные приводит в согласие и приятные созвучия, бряцая, извлекает из них, так и глава всякого царства непослушных и зловредных грешников понуждать должен к согласию с добрыми людьми... под законами правды...»³ Федор Карпов, приводя эту цитату, имел в виду осуществление властных полномочий главой государства (в том числе главного из них – правосудия) «наподобие гуслей музыканта Давида» в соединении *всех* струн *всеми* перстами⁴. Даниил Заточник видит в князе образ главы государства, который мудро правит, опираясь при этом не только на собственные суждения, но и на предложения Думы, состоящей из лиц, поддерживающих князя в осуществлении им власти.

Определенное влияние на формирование политического идеала (формы правления) русских мыслителей, в том числе Даниила Заточника, оказали распространенные

¹ См. подробнее: *Золотухина Н. М., Власова Т. В.* Форма правления в России XI – первой трети XIII в. // *Российское правосудие.* 2022. № 8. С. 5–11.

² *Зарубин Н. Н.* А. XXIV. Стб. 19. Слово «державо» употреблялось в древнерусском языке в нескольких значениях, первое из них – «власть, правление» (СРЯ. Вып. 4. С. 22). В качестве примера в словаре приводится именно вышеуказанный текст Даниила Заточника.

³ Даниил Заточник, как и Федор Карпов, ссылаются на одни и те же библейские стихи, перефразируя их с тем, чтобы в наибольшей степени подвести читателя к восприятию предлагаемой ими организации верховной власти. См.: 1 Цар. 16:23; 18:10. См. также: *Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу* (Сочинения Ф. И. Карпова // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. С. 513, 495–519).

⁴ Федор Карпов считал наилучшей формой правления смешанную республику, предложенную Цицероном, состоящую из трех элементов: демократии, аристократии и монархии, но, понимая, что для России XVI в. такой вариант недостижим, предлагал монархию, ограниченную коллегиальным сословным органом, состоящим из представителей всех сословий общества.

на Руси «княжеские зеркала», в которых известные религиозные философы излагали свои представления об организации верховной власти в Византии. Наибольшее влияние, как в раннее, так и в позднее Средневековье, в России получили «Увещательные главы императору Юстиниану» дьяка Софийского Константинопольского собора Агапита (VI в.), известные у нас как «Наставление» («Поучение») Агапита, и «Послание князю Михаилу Болгарскому» византийского патриарха Фотия (IX в.). Агапит в «Поучении» советовал Юстиниану: все «полезное государству твоему изыскивай со всем речением при содействии благоразумнейших советников и усерднейших молитв», при этом советников избирай «не из тех, которые стараются всегда льстить, но тех, которые расположены давать советы полезные, потому что последние имеют в виду истинную пользу, а те как тени придерживаются образа мысли Государя и хвалят его каждое слово»¹.

Патриарх Фотий в «Послании князю Михаилу Болгарскому» уделил особое внимание именно необходимости учреждения совета при великом князе. «Всякое деяние совет предваряет... что не сделают руце многих и многи, сие совет един единым содействием [разрешит], поэтому совет предпочтителен многоручию». Если в делах государства наблюдается «неустойчивость» и, хуже того, «расстройство», то императору необходимо созвать совет и вместе со своими советниками размышлять, как бы это «расстройство» преодолеть. «Союз с предобрыми, добродетелию понуждаемыми [советниками] на ум [правителя] восходяще воставит». «Тщание с благим советом возводили поверженных на большие высоты могущества»².

Даниил не сомневался в необходимости постоянного коллегиального совета при великом князе – Думы, и главное его внимание сосредоточивалось на подборе ее членов, которых он называет думцами, поскольку на них возлагается ответственность за поступки князя, ибо «князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят. З добрым думцею думая, князь высока стола добудет, а с лихим думцею меньшего лишен будет»³.

К необходимым для думца качествам Даниил Заточник относил: наличие ума, образованности (книжности) и «благости», последняя выражается в желании добра своему князю и своей стране⁴. Данные качества не зависят от социального положения и возраста возможного думца.

В предложенном им противопоставлении богатого и бедного (убогого) человека Даниил воспользовался почти дословно текстами «Изборника 1076 г.» и «Пчелы» (см. Таблицу).

Даниил Заточник ⁵	«Изборник 1076 г.» ⁶	«Пчела» ⁷
«...богат мужь везде знаем есть и на чюжеи странѣ друзи держить; а убогъ во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть – вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогий возглаголеть – вси нань кликнуть».	«Богатый возглаголет и вси оумолкша и вознесошася до небес. Оубогий же возглаголет и вси рекоша: что сие есть? И если споткнется дринут (подтолкнут) его».	«Богатый возглаголет и вси оумолкша и слово его вознесут до облакъ».

¹ Буланин Д. М. Поучение Агапита // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. XLIV. Гл. 22, 25. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 12–13.

² Синицына Н. В. Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1965. Т. 21. С. 117.

³ В Академическом списке: А. XXXIII. Стб. 25–26: «Князь не сам впадает в вещь, но думцы вводят»; в Погодинском: XVIII. Стб. 43: «С лихим думцем думати – вскоре не добра здумати; со избранным избран будеши, а со строптивым развратиши»; в Чудовском – с пояснением: «Княже, не сам владеши, в печаль введут тя думцы твои» (Ч. XXIII. Стб. 58). Так и случилось, затеявший междоусобную княжескую распрю, следуя «злomu совету» «неблагого» советника, князь Юрий Всеволодич «ссел» с великого владимирского стола на меньший – Городец на Волге, бывший тогда малым и незначительным городом.

⁴ Аналог: «Диодор. Мудра думца паче многих рук, и мудрый паче крепкого» (Пчела. По пергаменному списку. Труд В. Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. LIV. № 4. С. 20, 21. Далее – Пчела. Семенов).

⁵ Зарубин Н. Н. А. XIII. Стб. 11.

⁶ Изборник 1076. М., 1965. С. 349–350.

⁷ Пчела. Семенов. С. 127.

Однако не всегда богатый человек умен, а бедный глуп, может быть и «нищ бо мудр, аки злато в кални судни; а богат, красен и не смыслит, то аки наволочито изголовие соломы натыкано» (наволочка, соломой набитая)¹. Поэтому он советует князю не лишать «хлеба нища мудра и не вознесе до облак богата несмыслена»². Как бы хорош («красен») ни был сам князь, но его честь и славу по многим странам составляют «многие люди», т. е. совет князя, состоящий из «благих» и «смышленных» людей. В Чудовском списке к этой строчке сделано уточнение: «Княже наш, умными бояры предо многими людьми честен еси и по многим странам славен явися»³. Речь явно идет о советниках князя, но в Чудовском списке это уже не «многие люди», а «умные бояре». В Соловецком списке опять появляются «многие люди», но уже наряду с боярами: «...княже, наш доброумными бояры, и многи слугами честен, славен всем

¹ Зарубин Н. Н. А. XXVII. С. 21. Выражение «злато в кални сосуде» является аналогом «бисера в кале» (бисером на Руси называли жемчуг). О. П. Лихачева, исследовавшая историю этого образного выражения, нашла его в Повести временных лет, в которой сообщается, что княгиня Ольга происходила из крестьянской семьи, но по духовным качествам «светяшеся» среди неверных людей «аки бисер в кале». О. П. Лихачева установила, что первичным источником этой метафоры являются исторические сведения о поступке блудницы хананянки Равви, которая, будучи язычницей, поняла Божий промысел, ведущий израильтян в Ханаанскую землю, и помогла им, предав свой народ. В Толковом Апостоле содержится похвала Равви, «свидетельствующая об оправдании ее в блуде», поскольку она показала «цвет благочестия, светяся яко бисер в кале, злато в тимении (тине, грязи)». Толковый Апостол появился у восточных славян не ранее XII в. Выразительность этого сравнения могла быть причиной и не столь глубокомысленных заимствований – начиная с Даниила Заточника (Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 110–112). Это образное выражение употреблено Даниилом исключительно «к месту» (почему же «не столь глубокомысленных заимствований?») и образно характеризует бедного человека, который хотя и «нищ», но ум его «аки зерно злато в кални сосуде светитсяся»; именно поэтому оно и дожило до литературы новейшего времени: «Навозну кучу разгребая, петух нашел жемчужное зерно» (Басня И. А. Крылова «Петух и жемчужное зерно»). Даниил Заточник, воспользовавшись этим красочным сравнением, проявил, как отметила О. П. Лихачева, свою недюжинную образованность и талант писателя, ибо именно «с него оно вошло в русскую литературу и, став «крылатым», не потеряло своей семантической и художественной привлекательности до наших дней.

² Зарубин Н. Н. А. XXVII. Стб. 21. См. Притч. XIX:1: «Муж есть убог ходяй в простоте своей, неже богатый строптивый и несмыслен». Подобное выражение есть и в «Пчеле» на с. 15: «Иже красен, а безумен, то аки наволочито възглавие соломы натыкано». Но и бедность не показатель ума, потому что и «убог [бывает] несмыслен», и тогда уже и он похож «на солому, в грязь втопанную» (Зарубин Н. Н. Ч. XVIII. Стб. 56). Автор этого списка еще раз обратил внимание, что при подборе думца не имеет значения ни род, ни племя (ни богатство, ни бедность), а только ум, образованность и высокие нравственные качества возможного советника князя.

Современник Даниила Заточника великий Данте Алигьери, стремясь исправить нравы соотечественников, пытался «показать им, что ни аристократическое происхождение, ни богатство, а только духовное совершенство и мудрость» являются теми качествами, при помощи которых «можно с наибольшей достоверностью усмотреть истину» столь необходимую монархам (Данте Алигьери. Малые произведения. С. 197). «Духовное пиршество предназначено для всех людей, стремящихся к знанию и совершенству, независимо от их состояния», а совершенство ума достигается приобретением знаний (Там же). У Данте идеальная монархия – синоним империи (он так и писал: «Монархия значит империя»), построенная по модели Рима периода принципата Октавиана Августа (с 63 г. до н. э. по 14 г. н. э.), при котором сохранялись все прежние республиканские органы и должности, но принцепс (сам Октавиан Август) становился главой армии с вручением ему функций главнокомандующего всеми войсками Рима, однако звания императора он не принимал. В «Монархии» Данте предлагает себя в советники правителю, полагая, что даже при самом хорошем устройстве империи совет умудренного опытом и знаниями философа всегда будет полезен императору.

Мысли этих современников, живущих в разных странах, практически в разных мирах, полностью совпадают, чему причиной является образование, которое и делает доступным «пиршество ума» и, безусловно, общий источник как абсолютный пример, к которому они постоянно восходят, – Священное Писание. Также несомненное значение имеет и весьма похожее состояние, в котором в то время находились Русь и Италия, ибо обе страны переживали период раздробленности XII–XIV вв., при которой существовали государства-княжества со своими правителями, враждовавшими друг с другом, ослабляя страну и облегчая внешним завоевателям доступ к ее территории с захватническими целями. На это обстоятельство обращал внимание А. Дж. Тойнби, утверждавший, что при сравнении стран, находящихся «в сходных естественных условиях, наблюдается и сходство социального существования... исследуя процесс роста цивилизаций, мы на целом ряде примеров убедились, что он повсюду единообразен... И хотя процесс роста единообразен вовлеченными в этот процесс странами (он называл его синхростадиальным), но и весьма различен...» (Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис Пресс, 2002. С. 109). Однако идейное сходство порождено именно историческими обстоятельствами, имеющими много общих существенных признаков в означенный период времени.

³ Зарубин Н. Н. А. XXII. Стб. 17; Ч. XXX. Стб. 59.

странам являешься»¹. Во всех редакциях вполне очевидно и с большим одобрением говорится именно о княжеском совете – Думе.

Даниил восхваляет достоинства подданных, обладающих умом и образованием, убеждая князя, что одним из важнейших государственных дел является приобретение умных думцев. При этом не имеет значения не только социальное положение думца-советника, но и его возраст, ибо и в юном возрасте может быть «стар смысл», а мысли молодого человека (умного и книжного) способны «парить аки орел по воздуху»². Имея мудрых советников, князь сможет разумно и справедливо управлять подданными и защищать свою страну «от супостатов». «Мудра мужа посылай и мало ему накажи, а безумного посылай и сам по нем ити. Очи бо мудрых желают благих, а безумного дому пира. Лучши слушати прение умных нежели наказание безумных. Дай бо мудрому вину, премудрее будет»³.

К сожалению, ум не всегда сочетается с храбростью, поскольку бывает, что «умен муж не велми храбр на рати, но крепок в замыслах», поэтому князю для решения государственных дел и достижения военных успехов необходимо собирать не только храбрых, но и мудрых⁴. Безумного человека ничему научить невозможно, ибо «его учить, что в утл мех [воду] лити, подобен ему будеши»⁵, поэтому «не отметаи безумному безумия его да не подобен ему будеши»⁶. Безумных много, их «не сеят, не орют, не собирают в житницу, они сами ся родят»⁷, поэтому Даниил, настойчиво повторяя, советует князю «совокуплять мудрых»⁸.

Кроме Думы, играющей важную роль при князе, по мнению Даниила Заточника, ему еще необходимы советы философа-мудреца, не только умного, но и широко образованного человека. В качестве такого советника он предлагает себя, и в этом плане, как представляется, он просит князя заметить многие его достоинства: «Пусти тучу на землю художества моего»⁹. Автор «Слова» обращает внимание на свою образованность, которой он достиг благодаря своим неустанным трудам: «Аз бо, княже ни за море [не] ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвенный сот; тако и аз по многим книгам исьбиря сладость словесную и разум, и совокупих аки в мех воды морския»¹⁰. Он не только умен, но

¹ Зарубин Н. Н. Сл. IX. Стб. 80.

² Зарубин Н. Н. А. XXVIII. Стб. 22.

³ Перифраз из Книги Экклезиаста: Эккл. VII:4: «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья». Последняя строка: «Дай мудрому вину, премудрее будет» – Притч. IX:9. Даниил в этом разделе текста соединил стихи не только из разных глав, но и из разных книг Священного Писания, явно рассчитывая на образованного читателя. Этот текст совпадает только с церковно-славянским текстом Библии, которым пользовался Даниил и его современники. В новых переводах (СПб., 1892 и М., 1988) слово «вина» заменено словом «наставление» (перевод юбилейного издания Библии 1988 г. повторил ошибку перевода 1892 г.) – замена далеко не равнозначная. Дать «вину» означает обвинить кого-либо в проступке или преступлении; мудрый человек, осознав свою вину (которую ему вменили – дали) и претерпев наказание, мудрее будет.

⁴ Зарубин Н. Н. Ч. XXIV Стб. 5: «Аще есми на рати не велми хоробр, но в словесах крепок; тем сбирая храбрые и совокупляй смысленя». См.: Сл. XVII. Стб. 83: «Умен муж не добре хоробр на рати, но на думу угоден».

⁵ Зарубин Н. Н. А. XXXI. Стб. 23–24.

⁶ Зарубин Н. Н. А. XLVII. Стб. 34. Аналог – Притч. XXVI:4: «Не отвещай (у Даниила – „не отметаи“) безумному по безумию его, да не подобен ему будеши».

⁷ Аналог этого текста есть в Библии (Сир. VII:3) и в Повести об Акире Премудром (Повесть о Акире Премудром // ПЛДР. XII в. М.: Худ. лит., 1980. С. 252).

⁸ См.: Притч. XIII:13:21: «...ходай с премудрым и сам премудр будет, ходай с безумными познан будет» (как безумный). См. также: Сир. 6:35: «Кто мудр, к тому прилепится».

⁹ Зарубин Н. Н. А. XII. Стб. 11.

¹⁰ Зарубин Н. Н. А. XLVI. Стб. 33. Аналог – Притч. XXXII:7: «Собирай аки в мех воды морския, полагай в сокровищих бездны».

О трудолюбивой пчеле есть запись и в «Пчеле»: «Исократ. Яко же бчелу видим по всем садом и зельнем летающе от когожо их полезное приемлюще, тако же оуноши оучащиеся философии и на высоту мудрости хотящи взыти и отвсюду лоучьшая собирают. Больма храни словесное сокровище, нежели стяжание» (Пчела. Семенов. С. 167).

К сравнению с трудолюбивой пчелой прибегали многие средневековые писатели. Так, Кирилл Туровский пишет «о мнишьского образа трудолюбивой пчеле» (Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 419–426). Максим Грек в «Слове на латинов» сравнивает писательский труд с работой пчелы: «Хотех и аз пчелам поревновати, летающим по всяким цветом, но не от всех събирающим мед» (Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. С. 236).

скор на слово [находчив] и красноречив: «И бысть язык мой, трость книжника скорописца и уветлива уста, аки речная быстрина»¹.

Анализ текста «Слова Даниила Заточника» и вышеприведенных его редакций приводит нас к единственному выводу: Даниил не считал полезным для общества и государства сосредоточение всех властных прерогатив в руках одного человека – великого князя. Согласно его представлениям, князь должен разделять свои полномочия с постоянным коллегиальным советом, который Даниил первым в истории политической мысли назвал Думой. Советы случайных людей недостаточны для такого ответственного дела, как решение государственно-правовых вопросов во внутренней жизни страны и охраны целостности государства во внешнеполитических отношениях. Для решения таких задач должна быть создана Дума при носителе верховной власти, в состав которой необходимо подбирать разумных («смысленных») и благомыслящих людей, независимо от их социального статуса, с возложением на них ответственности за советы, даваемые князю.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в произведениях Даниила Заточника сформирована достаточно аргументированная концепция ограничения власти князя: он говорит о необходимости создания коллегиального органа при князе, определяет требования к лицам, которые должны входить в Думу. Прогрессивным и значимым для своего времени в идеях Даниила является то, что мыслитель видит в составе коллегиального органа не только лиц, имеющих высокий социальный статус, но и людей, обладающих умом, знаниями, стремлением принести пользу своему государству.

Во-вторых, обратившись к научной и учебной литературе, можно увидеть, что, как правило, выделяются такие формы государственного правления, как монархия и республика. Однако такая классификация все чаще вызывает дискуссию среди исследователей, так как многие современные государства уже не укладываются в традиционные рамки, сочетая черты различных форм государственного правления и их видов. Похожая ситуация складывается и при характеристике государств в исторической ретроспективе. Обратившись к периоду творчества Даниила Заточника, можно увидеть, что форму государственного правления на Руси в период, когда были написаны труды мыслителя, обычно определяют как раннефеодальную монархию, отмечая при этом, что «наблюдается два политических авторитета: 1) княжеский и 2) городской, или вечевой»². На наш взгляд, отнесение Руси к раннефеодальной монархии в указанный период является как минимум дискуссионным, так как наличие веча и особенности его формирования и функционирования позволяют выявить признаки республиканской формы правления³. В анализируемом произведении Даниила Заточника мы также видим стремление не абсолютизировать власть князя, а, напротив, создать основу для участия представителей всех сословий в управлении государством, в зависимости от наличия у них необходимых качеств, а не только родословия и богатства. Тем самым он предлагает монархию с элементами республики, а именно ограниченную монархию. При дальнейшем развитии русской государственности в XV–XVI вв. Дума получает статус даже не совещательного, а законодательного органа, юридически закрепленный в Судебниках 1497 и 1589 гг., а в состав Земских собраний, оформившихся в середине XVI в., начинают входить представители разных сословий русского общества⁴. Это свидетельствует о том, что политические идеи Даниила Заточника получили реальное воплощение в действительности.

В-третьих, политический идеал Даниила Заточника, скорее всего, возможно рассматривать как предвестие ограниченной (сословно-представительной) монархии. Он был первым мыслителем, поставившим в истории политических учений России вопрос о необходимости создания коллегиального постоянного совета при носителе верховной власти, призванного разделить с ним властно-управленческие и судебные полномочия.

¹ Зарубин Н. Н. А. II. Стб. 5; Ч. II. Стб. 53. См.: Пс. XLIV:44:2: «Отрыгнет сердце мое слово благо, глаголю аз дела мои цареви: Язык мой трость книжника скорописца».

² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2017. С. 95.

³ Золотухина Н. М., Власова Т. В. Средневековые мыслители об организации верховной власти (форме правления) // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 20.

⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 55–78.

Принятые сокращения

- БЛДР – Библиотека Древней Руси.
ВМЧ – Великие Минеи Четьи.
ПВЛ – Повесть временных лет.
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.

Список источников

Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. XXVIII. С. 3–29.

Айналов Д. В. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 362–365.

Баркалов В. Я. История политических учений в России в XI–XIII вв. Барнаул, 1992. 109 с.

Бессонов П. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» Слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1865. Т. 2. № 7. С. 319–351.

Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики // ТОДРЛ. М.: Л.: АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 138–157.

Буланин Д. М. Поучение Агапита // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. XLIV. Гл. 22, 25. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 7–27.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 366 с.

Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1972. 386 с.

Горнова Д. Н. Становление идеи «единодержавной» власти в литературе Киевской Руси // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История и политология. 2007. № 4/3. С. 229–233.

Графский В. Г. История политических и правовых учений. М.: Прогресс, 2005. 593 с.

Данте. Божественная комедия. М.: Худ. лит., 1978. 627 с.

Данте Алигьери. Малые произведения. М.: Наука, 1968. 651 с.

Доброхотов А. Л. Вступительная статья // Данте. Монархия. М.: Канон-Пресс Ц. Кучково поле, 1999. С. 5–18.

Долгих Н. В. Политические идеи и правовые мысли Древней Руси // Science time. 2014. № 7. С. 95–104.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 419–426.

Жиляков С. В. «Слово Даниила Заточника» как манифест самодержавия на Руси // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 57–61.

Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. 581 с.

Золотухина Н. М., Власова Т. В. Средневековые мыслители об организации верховной власти (форме правления) // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 13–22.

Золотухина Н. М., Власова Т. В. Форма правления в России XI – первой трети XIII в. // Российское правосудие. 2022. № 8. С. 5–11.

Иларион. Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской; пер., вступ. ст. В. Я. Дерягина; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М.: ПИФ «Столица»; НИЦ «Скрипторий», 1994. 143 с.

История политических и правовых учений. СПб.: СПГУ, 2007. 854 с.

История политических и правовых учений / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Высшее образование, 2008. 917 с.

История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Наука, 1986. 349 с.

Истрин В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен? // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1902. Т. 10. 32 с.

Князьков С. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. 37 с.

Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. 108 с.

Лемешко Г. А. Философия Киевской Руси. Зарождение социально-политической мысли // Культура и цивилизация. 2019. № 1(9). С. 43–50.

Лихачев Д. С. Социальные основы «Моления» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.: Л.: АН СССР, 1954. Т. X. С. 106–119.

Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 110–132.

Лященко А. И. О времени написания «Слова Даниила Заточника» // Труды Римского археологического съезда. М., 1896. Т. 1. С. 1–8.

- Лященко А. И. О Молении Даниила Заточника. СПб., 1896. 46 с.
- Максим Грек. Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. 460 с.
- Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л.: ЛГУ, 1978. 112 с.
- Модестов Е. И. Послание Даниила Заточника // ЖМНП. 1880. Октябрь – ноябрь. № 11. С. 165–196.
- Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики XVI века. М.; Л.: АН СССР, 1958. 199 с.
- Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 741 с.
- Овчинников А. И., Гасанова З. Д., Фатхи В. И. Образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства // Философия права. 2016. № 4. С. 35–41.
- Омельченко О. А. История политических и правовых учений. М.: Эксмо, 2006. 575 с.
- Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2017. 718 с.
- Повесть о Акире Премудром // ПЛДР. XII в. М.: Худ. лит., 1980. 704 с.
- Покровский В. С. История политической мысли. М.: Госюриздат, 1951. 129 с.
- Покровский С. А. Политические идеи в Древней Руси // История политических учений. М.: Высшая школа, 1965. С. 112–119.
- Преп. Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М.: Индрик, 2008. 568 с.
- Пчела. По пергаменному списку. Труд В. Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. LIV. № 4. 444 с.
- Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. 830 с.
- Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1978. 230 с.
- Синицына Н. В. Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому // ТОДРЛ. М.; Л.: АН СССР, 1965. Т. 21. С. 101–125.
- Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.: Л.: АН СССР, 1955. Т. XI. С. 72–95.
- Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб.: СПГУ, 2006. 580 с.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л.: АН СССР, 1932. Серия древнерусской литературы. Вып. 5. 165 с.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1963. 542 с.
- Сочинения И. Пересветова. М.; Л.: АН СССР, 1956. 388 с.
- Сочинения Ф. И. Карпова // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. С. 495–519.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М: Айрис Пресс, 2002. 640 с.
- Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. 255 с.
- Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
- Энгель Е. А. Государство и формы его строя. Пг.: Кооперативное книгоиздательское товарищество «Книга», 1919. 122 с.

References

- (1956) *Sochineniya I. Peresvetova* [The works of I. Peresvetov]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 388 p.
- (1963) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [The Soviet historical encyclopedia]. Vol. 4, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 542 p.
- (1980) *Povest' o Akire Premudrom* [The Story of Akira the Wise]. In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XII v.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 704 p.
- (1984) *Sochineniya F. I. Karpova* [Works by F. I. Karpov]. In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 495–519.
- (2007) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 854 p.
- (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The new philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl', vol. 1. 741 p.
- (2014) *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia]. Moscow, 830 p.
- Adrianova-Peretts V. P. (1974) *K voprosu o krughe chteniya drevnerusskogo pisatelya* [On the question of the circle of reading of the ancient Russian writer]. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Leningrad, Nauka, vol. XXVIII, pp. 3–29.
- Ainalov D. V. (1908) *Ocherki i zametki po istorii drevnerusskogo iskusstva* [Essays and notes on the history of Ancient Russian art]. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, vol. 13, book 1, pp. 362–365.
- Barkalov V. Ya. (1992) *Istoriya politicheskikh uchenii v Rossii v XI–XIII vv.* [History of political teachings in Russia in the XI–XIII centuries]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 109 p.

Bessonov P. (1865) Neskol'ko zamechanii po povodu napechatannogo v «Russkoi besede» Slova Daniila Zatochnika [A few remarks about the Word of Daniil Zatochnik published in the «Russian Conversation»]. In *Moskvityanin*, vol. 2, no. 7, pp. 319–351.

Budovnits I. U. (1951) Pamyatnik rannei dvoryanskoj publitsistiki [Monument of early noble journalism]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. VII, pp. 138–157.

Bulanin D. M. (1990) Pouchenie Agapita [Agapit's Teaching]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Akademiya nauk SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom), ed. by D. S. Likhachev, vol. XLIV, Leningrad, Nauka, pp. 7–27.

Cherepnin L. V. (1978) *Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky sobor of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow, Nauka, 417 p.

Dante (1978). *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 627 p.

Dante Alig'eri. (1968) *Malye proizvedeniya* [Small works]. Moscow, Nauka, 651 p.

Dobrokhotov A. L. (1999) Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. In Dante. *Monarkhiya*, Moscow, Kanon-Press tsentr, Kuchkovo pole, pp. 5–18.

Dolgikh N. V. (2014) Politicheskie idei i pravovye mysli Drevnei Rusi [Political ideas and legal thoughts of Ancient Russia]. In *Science time*, no. 7, pp. 95–104.

Engel' E. A. (1919) Gosudarstvo i formy ego stroya [The state and the forms of its system]. Petrograd, Kooperativnoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Kniga», 122 p.

Eremin I. P. (1957) Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo [Literary heritage of Kirill Turovsky]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. XIII, pp. 419–426.

Gornova D. N. (2007) Stanovlenie idei «edinoderzhavnoi» vlasti v literature Kievskoi Rusi [The formation of the idea of «one-power» power in the literature of Kievan Rus]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya i politologiya*, no. 4/3, pp. 229–233.

Grafskii V. G. (2005) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Moscow, Progress, 593 p.

Ilarion (1994) *Slovo o Zakone i Blagodati* [A Word about Law and Grace], rekonstruktsiya drevnerusskogo teksta L. P. Zhukovskoi; per., vstup. st. V. Ya. Deryagina; komment. V. Ya. Deryagina, A. K. Svetozarskogo. Moscow, PIF «Stolitsa», NITs «Skriptorii», 143 s.

Istrin V. M. (1902) Byl li Daniil Zatochnik deistvitel'no zatochen? [Was Daniil Zatochnik really imprisoned?] In *Letopis' Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Novorossiiskom universitete*, vol. 10. 32 p.

Knyaz'kov S. (1906) *Samoderzhavie v ego iskonnom smysle* [Autocracy in its original sense]. Saint-Petersburg, 37 p.

Kurbskii A. M. (1913) *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [The story of the Grand Duke of Moscow]. Saint-Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova, 108 p.

Lazarev V. V. (Ed.) (2008) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Moscow, Vysshee obrazovanie, 917 p.

Lemeshko G. A. (2019) Filosofiya Kievskoi Rusi. Zarozhdenie sotsial'no-politicheskoi mysli [Philosophy of Kievan Rus. The origin of socio-political thought]. In *Kultura i tsivilizatsiya*, no. 1, pp. 43–50.

Likhachev D. S. (1954) Sotsial'nye osnovy «Moleniya» Daniila Zatochnika [The social foundations of Daniil Zatochnik's «Prayer»]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. X, pp. 106–119.

Likhacheva O. P. (1997) Yako biser v kale [Yako beads in kale]. In *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, Saint-Petersburg, vol. 50, pp. 110–132.

Lyashchenko A. I. (1896) *O Molenii Daniila Zatochnika* [On the Prayer of Daniil Zatochnik]. Saint-Petersburg, 46 p.

Lyashchenko A. I. (1896) O vremeni napisaniya «Slova Daniila Zatochnika» [On the time of writing «The Word of Daniil Zatochnik»]. In *Trudy Rimskogo arkheologicheskogo s"ezda*, Moscow, vol. 1, pp. 1–8.

Maksim Grek (1860) *Sochineniya* [Works]. Kazan', part 2, 460 p.

Maksim Grek (2008) *Sochineniya* [Works]. Moscow, Indrik, vol. 1, 568 p.

Meshcherskii N. A. (1978) *Istochniki i sostav drevnei slavyano-russkoj perevodnoi pis'mennosti IX–XV vv.* [Sources and composition of the ancient Slavic-Russian translated writing of the IX–XV centuries]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet. 112 p.

Modestov E. I. (1880) Poslanie Daniila Zatochnika [The Message of Daniil Zatochnik]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 11, pp. 165–196.

Moiseeva G. N. (1958) «Valaamskaya beseda» – pamyatnik russkoi publitsistiki XVI veka [«Valaam conversation» – monument of Russian journalism of the XVI century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 199 p.

Nersesyants V. S. (1986) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Srednie veka i Vozrozhdenie* [The history of political and legal doctrines. The Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Nauka, 349 p.

Ovchinnikov A. I., Gasanova Z. D., Fatkhi V. I. (2016) *Obraz samoderzhaviya i gosudarstvenno-pravovye idealy v period Drevnerusskogo gosudarstva* [The image of autocracy and state-legal ideals in the period of the Ancient Russian state]. In *Filosofiya prava*, no. 4, pp. 35–41.

Omel'chenko O. A. (2006) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines]. Moscow, Eksmo, 575 p.

Platonov S. F. (2017) *Polnyi kurs lektsii po russkoi istorii* [A complete course of lectures on Russian history]. Moscow, AST, 718 p.

Pokrovskii S. A. (1965) *Politicheskie idei v Drevnei Rusi* [Political ideas in Ancient Russia]. In *Istoriya politicheskikh uchenii*, Moscow, Vysshaya shkola, pp. 112–119.

Pokrovskii V. S. (1951) *Istoriya politicheskoi mysli* [The history of political thought]. Moscow, Gosyurizdat, 129 p.

Sapunov B. V. (1978) *Kniga v Rossii v XI–XIII vv.* [The book in Russia in the XI–XIII centuries]. Leningrad, Nauka, 230 p.

Semenov V. (1892) *Pchela. Po pergamenному spisku* [Bee. According to the parchment list]. In *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, vol. LIV, no. 4, 444 p.

Sinitsyna N. V. (1965) *Poslanie Konstantinopol'skogo patriarkha Fotiya knyazyu Mikhailu Bolgarskomu* [The message of Patriarch Photius of Constantinople to Prince Mikhail of Bulgaria]. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. 21, pp. 101–125.

Skripil' M. O. (1955) «Slovo» Daniila Zatochnika [The «Word» of Daniil Zatochnik]. In *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, vol. XI, pp. 72–95.

Skrynnikov R. G. (2006) *Russkaya istoriya IX–XVII vv.* [Russian history of the IX–XVII centuries]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 580 p.

Toinibi A. Dzh. (2002) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Airis Press, 640 p.

Tomsinov V. A. (2003) *Istoriya russkoi politicheskoi i pravovoi mysli. X–XVIII veka* [The history of Russian political and legal thought. X–XVIII centuries]. Moscow, Zertsalo, 255 p.

Val'denberg V. E. (2006) *Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti. Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka* [Ancient Russian teachings on the limits of tsarist power. Essays on Russian political literature from Vladimir the Saint to the end of the XVII century]. Moscow, Territoriya budushchego, 366 p.

Vodovozov N. V. (1972) *Istoriya drevnei russkoi literatury* [The history of ancient Russian literature]. Moscow, Prosveshchenie, 386 p.

Zarubin N. N. (Ed.) (1932) *Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiyam XII i XIII vv. i ikh peredelkam* [The Word of Daniil Zatochnik on the editions of the XII and XIII centuries and their alterations]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, Ser. drevnerusskoi literatury, is. 5, 165 p.

Zhilyakov S. V. (2019) «Slovo Daniila Zatochnika» kak manifest samoderzhaviya na Rusi [«The Word of Daniil Zatochnik» as a manifesto of autocracy in Russia]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 57–61.

Zinovii Otenskii (1863). *Istiny pokazanie k voprosivshim o novom uchenii* [The indication of truth to those who asked about the new teaching]. Kazan', 581 p.

Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. (2022) *Forma pravleniya v Rossii XI – pervoi treti XIII v.* [The form of government in Russia in the XI – first third of the XIII century]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 8, pp. 5–11.

Zolotukhina N. M., Vlasova T. V. (2022) *Srednevekovye mysliteli ob organizatsii verkhovnoi vlasti (forme pravleniya)* [Medieval thinkers on the organization of supreme power (form of government)]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 9, pp. 13–22.